

Международная Жизнь

Еженедельник Народного Комиссариата
Иностранных Дел.

20 марта

№ 1 (119)

1922 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи: Комедия бездарного автора. И. Майский.—Английский кризис. Д.—Прибалтийская паутина. Н. Иорданский.—Французская миссия на Украине в 1917—1918 г.—Прибалтийский оборонительный союз.

Франция.—Булонское совещание.—Два процесса.

Англия.—Ирландский вопрос.—Положение партий пред новыми выборами.

Германия.—Внешняя политика.—Франко-русские отношения в освещении германской прессы.

Средняя Европа.—Вопрос о консолидации стран Средней Европы.—Образование союза среднеевропейских государств.

Юго-Славия.—Социальная политика Юго-Славии.—Албанский вопрос.

Чехо-Словакия.—Братиславское свидание.

Италия.—Новый кабинет.

Америка.—Об участии на Генуэзской конференции.

Восток.—Положение в Индии.—Вокруг египетского вопроса.—Дипломатическое красноречие Востока.

Факты и заметки.—Цели французской политики.—Условия мира на Ближнем Востоке.—Греция и Смирна.—Вопрос о Танжере.—Кредит для Австрии.—Роспуск национального собрания в Венгрии.—Союз труда в Италии.—Положение в Румынии.—Общность интересов России и Румынии.—Финляндская печать о союзе против России.—Латвийско-эстонские взаимоотношения.—Еврейская буржуазия и врангелевцы.

Политический календарь.

Официальный Отдел.—Нота Нар. Комис. по Иностр. Делах правительствам Антанты.—Назначения.

Р. С. Ф. С. Р.

Москва, Кузнецкий мост, 5/15, Наркоминдел.

**Международная жизнь – Еженедельник Народного
Комиссариата Иностранных дел.
20 марта №1 (119) 1922 года.**

Комедия бездарного автора.

То, что происходит сейчас вокруг Генуэзской конференций, начинает все больше напоминать глупую комедию бездарного автора.

Вспомним хронологический ход событий. 6-го января Ллойд-Джордж, этот патентованный, но не всегда удачный, спаситель буржуазной Европы, произнес в Каннах свою речь о необходимости примирения с Советской Россией, а Верховный Совет союзных держав принял знаменитую резолюцию о созыве на 8 марта международной конференции в Генуе. Вопрос был решен серьезно и единодушно, никаких сомнений в неизбежности встречи Ллойд-Джорджа и Ленина не было, и услужливые газетчики поспешили оповестить весь мир о наступлении новой эры в истории человечества.

Торжество наивных душ, однако, было преждевременным. Не успели смолкнуть отголоски каннских речей, как в Европе разразилась жестокая эпидемия «министерской чехарды». Первое заболевание произошло во Франции. Уже 12 января, т.-е. через 6 дней после Канн, кабинет Бриана испустил дух и был выброшен в мусорный ящик под столом Мильтера. Болезнь в этом случае носила острый или, пользуясь языком врачей, «молниеносный» характер, и уже 19-го января французскому парламенту представился новый глава нового правительства—старый знакомец Пуанкарэ.

Затем наступила очередь Италии. В один прекрасный день—2-го февраля,—эпидемией «министерской чехарды» был поражен кабинет Бономи. Здесь заболевание приняло более длительное хроникообразное течение: кабинет то умирал, то оживал, то снова умирал, кривая температуры обнаруживала резкие скачки вверх и вниз, пульс бился то лихорадочно напряженно, то едва слышно даже для изощренного пальца. В конце концов, Бономи умер от гнилостного заражения крови, уступив место пока загадочно стоящему перед нами Факте.

С Апеннинского полуострова эпидемия капризно перекинулась на зеленые равнины Великобритании. Совсем недавно, недели две назад, она внезапно атаковала Ллойд-Джорджа. Старик оказался достаточно силен и г помощью хорошей дозы либерально-империалистической камфары сумел отбить первый приступ болезни. Однако, и этот столп буржуазной Европы зашатался и сейчас смотрит на мир уже далеко не столь уверенными глазами, как в Каннах. Второго приступа ему не пережить.

Если к сказанному выше прибавить, что за тот же 10-недельный период, протекший со времени Каннского свидания, в Польше успело погибнуть правительство Пониковского, уступившее место правительству Пониковского (в Польше любят играть в прятки), что в Австрии пал кабинет Шобера, а в Греции—кабинет Гунариса, и что в Германии едва не рухнул кабинет Вирта, с трудом

собранный большинство в 35 голосов, то станет совершенно ясно, какой повальный характер приняла эпидемия «министерской чехарды» в цивилизованных странах «демократического» Запада. [...]

Мировая война кончилась. Буржуазная Европа вышла из нее экономически полуразрушенной, с тяжелым жерновом неоплатных долгов на шее. В распоряжении старого общества нет средств для того, чтобы свойственными ему капиталистическими методами выйти из катастрофического состояния. Выдвинутые жизнью грозные проблемы могут быть удовлетворительно разрешены только новыми социалистическими методами, методами строительства организованного мирового хозяйства. И первым шагом на этом пути должно быть включено в мировой экономический оборот России и юридическое признание Советского правительства. Иного выхода нет. Других возможностей не имеется. Буржуазная Европа это смутно ощущает, по социализм противоречит ее основным интересам, и она с ужасом отворачивается от устрашающей перспективы. Умные вождя ее, как Ллойд-Джордж, в свои светлые минуты прекрасно сознают, что способами мелкого крохоборства нельзя заштопать зияющих дыр мирового хозяйства, что тут нужны смелые шаги, решительные меры, но сопротивление окружающей среды, традиции прошлого, принадлежность к определенной социальной группе, сковывают их руки, парализуют их волю. И в результате создается тот политический хаос, ярким образчиком которого может служить комедия Генуэзской конференции.

Буржуазная Европа запуталась. Она не знает, чего хочет. У неё нет великих руководящих идей, которые определяли бы ее жизнь и деятельность. Она вся разбилась на куски, разменялась на мелочи и частности. Она превратилась в клубок безнадежных противоречий, из которых сам мудрый Эдип не нашел бы исхода. И потому, буржуазная Европа не имеет не только великих соединяющих идей, она не имеет также воли. Она страдает болезнью расслабления воли, — яркого симптома несомненного вырождения.

В противовес буржуазной Европе особняком стоит Советская Россия. Материально положение ее бесконечно тяжело: она разорена семилетней империалистической и гражданской войной; громадные районы страны охвачены голодом; миллионы десятин остаются незасеянными; тысячи фабрик и заводов не работают. Но Советская Россия совершенно точно и определенно знает, чего она хочет. Советская Россия знает, что и мировая и российская разруха могут быть преодолены только с помощью новых, крутых, сильно действующих средств. И у нас есть Великая идея, открывающая перед пей, как и перед всем миром, пути исцеления, — идея социализма.

Однако Советская Россия не только имеет одухотворяющую ее великую идею, она имеет также достаточно сильную и упругую волю для реально-возможного претворения этой идеи в жизнь. Волю проявляет Советская Россия в той внутренней и внешней политике, которую она преследует и которую считает ведущей к поставленной цели. Волю она обнаружила и в вопросе о Генуэзской конференции. Советская Россия приветствовала выступление Ллойд-Джорджа в Каннах, она согласилась принять участие в конференции в Генуе, она избрала для этого на чрезвычайной сессии В. Ц. П. К. особо полномочную делегацию, она поставила на ноги весь свой государственный аппарат для должной подготовки к

предстоящему совещанию, она сделала все необходимые шаги для своевременного прибытия в Италию ее представителей. За два с половиной месяца, отделяющих нас от Канн, два с половиной месяца, наполненных бесстыдной и бессильной игрой буржуазных политиков вокруг Генуи, Советская Россия ни одним действием, ни одним жестом или словом не изменила той линии поведения, которую она взяла с момента каннских решений. Какая из буржуазных держав может похвалиться подобной последовательностью?

Советская Россия—единственная сейчас, страна в мире—имеет ясное сознание, великую идею и твердую волю, ибо она—восходящее солнце трудящихся. Именно поэтому она сумела устоять непоколебимо» среди урагана минувших четырех лет. Именно поэтому она имеет самое прочное из всех современных европейских правительств. Именно поэтому она так твердо и последовательно вела свою линию в вопросе о Генуе. И, сколько бы ни мудрили и Ллойд-Джордж и Пуанкаре, они не могут перехитрить истории. С Генуей, или без Генуи, но Советская Россия должна быть признана и будет признана. Если буржуазной Европе угодно медлить,—это ее дело. Нам тяжело, но мы можем ждать: железный ход событий работает в нашу пользу, завтрашний день принадлежит нам.

И. Майский.

**Международная жизнь – Еженедельник Народного
Комиссариата Иностранных дел.
3 апреля №1 (121) 1922 года.
Россия и Генуя.**

Мир еще не наступил, но уже не было войны. Блокада явно умирала, фронт был разорван и на отдельных участках его, сквозь твердыни окопов и проволочных заграждений, все чаще стали протягиваться нити мировых экономических и политических отношений.

Открылась эра торговых договоров. В марте 1921 г. был заключен первый крупный договор подобного рода—с Англией. За первыми последовали дальнейшие: с Германией, Австрией, Италией, Норвегией, Швецией, Это было полупризнание Советской Республики, но в условиях тогдашнего момента оно должно было рассматриваться, как крупная дипломатическая победа России: Советская Республика заставила буржуазную Европу примириться с фактом своего существования.

Однако, вещи имеют свою логику. Полупризнание являлось полумерой, а полумеры никогда не бывают слишком долговечны. Это обнаружилось и в данном случае. Раз вступив на путь мирных отношений с Россией, буржуазная Европа очень скоро почувствовала, что те странно-искусственные формы этих отношений, которые сложились в 1921 г., явно не удовлетворяют потребностям момента. Россия существовала и как будто бы не существовала, она участвовала в политическом концерте и как будто бы не участвовала, заключала сделки с иностранным капиталом и как будто бы не заключала.

Эта неясность положения создавала громадные затруднения как политического, так и экономического свойства. Решение целого ряда важнейших проблем, в которых серьезнейшим образом заинтересован весь мир, становилось невозможным из-за того, что Советская Россия не имела официального признания. В самом деле, можно ли было, в серьез ставить вопросы о дальневосточной проблеме или о сокращении вооружений, если Россия не участвовала в обсуждении этих вопросов, если она заранее об'являла все принятые без нее решения для себя несуществующими? Можно ли было думать о восстановлении мировой экономики, если шестая часть суши со всеми ее неизмеримыми ресурсами оставалась вне поля проектируемых мероприятий? [...]

И чем глубже и острее становился хозяйственный кризис, в тисках которого сейчас бьется капиталистический мир, чем больше нарастало в кругах буржуазной Европы желание торговать с Россией и восстанавливать за счет России свое пошатнувшееся экономическое благополучие,—тем нестерпимее для международного капитала делалось то неопределенное юридическое положение, в котором находилась Советская Республика. И так как надежды на близкое падение рабоче-крестьянской власти день ото дня таяли, то вождям буржуазной Европы, как реальным политикам, не оставалось ничего больше, как поставить

вопрос о полном признании Советской Республики. Так родилась Генуя.

Какие же выводы можно сделать из истории взаимоотношений России и Европы за рассматриваемый период?

Главных выводов может быть сделано два:

Во-первых, Генуя не является для Советской Республики каким-то подарком, который свалился с неба по воле добродетельных небожителей. Геную она тяжело заслужила. Заслужила своей энергией, стойкостью, энтузиазмом, своими страданиями и своей жестокой борьбой с врагами революции

Советская Республика показала, что она сила. Только тогда Ллойд-Джордж и Пуанкарэ заговорили с ней на языке договоров и нот вместо языка ружей и пулеметов.

Генуя является символом политической и моральной победы России, и потому наши делегаты могут явиться туда о высоко поднятой головой. Как равные, они будут договариваться с представителями Антанты о методах восстановления потрясенной мировой экономики.

Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что Генуя никоим образом не может рассматриваться, как священная Мекка, паломничество в которую избавит Россию от терзающей ее хозяйственной разрухи. Надо трезво и реально смотреть на вещи. Налаживание нормальных отношений между Россией и Европой и восстановление российской экономики есть длительный процесс, и одним ударом столь сложная проблема разрешена быть не может. Генуя, даже при самых благоприятных условиях, не могла бы дать нам внезапного избавления от многообразных зол и нестроений нашей жизни, а ведь мы еще не знаем, будут ли эти условия благоприятны. Но что Генуя является шагом на пути **1С** достижению указанной цели—об этом не может быть двух мнений. В лучшем случае, она завершит собой второй период взаимоотношений между Европой и Советской Республикой, период полупризнания республики, и откроет собой третий период—период полного признания. В худшем случае, Генуя окажется важным моментом в развитии второго периода, и, конечно, сыграет свою роль в подготовке третьего. Не надо переоценки, но не надо и недооценки. Генуя не может дать нам **все**, но **кое-что** она нам вероятно даст.

И. Майский.